

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО

В замечательной галерее портретов людей науки, литературы и искусства, созданной И. Е. Репиным, имеется ряд образов выдающихся представителей театрального и музыкального мира. П. Стрелетова, Э. Дусе, А. Молас, М. Климентова, С. Монтер, М. Бенуа-Эфрон увековечены талантливой кистью великого русского художника. Эти портреты пользуются широкой популярностью. Менее известны репинские рисунки. В частности, в репинской литературе совершенно отсутствуют сведения о встречах художника с Марией Гавриловной Савиной, а в списках произведений Репина остается неизменной его зарисовка Савиной, сделанная в 1893 г. с натуры.

Познакомился Репин с Савиной, очевидно, у В. Стасова, на квартире которого собирался весь цвет тогдашней русской культуры. В письмах Репина к Стасову встречаются теплые отзывы художника о выдающейся актрисе. В 1893 г. Репин получил заказ от редактора журнала «Артист» Каманина на исполнение портрета М. Г. Савиной для воспроизведения его в журнале. Художник охотно принялся за эту работу, и за два сеанса портрет был готов. Но рисунок, помещенный в журнале, не познал в поле зрения исследователей репинского творчества. Местонахождение оригинала в настоящее время неизвестно.

8 сентября 1915 г. М. Г. Савина умерла. Муж ее А. Е. Молчанов, известный театральный деятель, председатель Русского театрального общества, после ее смерти устроил в своем доме «Музей М. Г. Савиной», в котором начал собирать различные материалы. Одновременно Молчанов обратился ко всем крупным представителям русской культуры, лично знавшим Савину, с просьбой сообщить ему свои воспоминания о покойной актрисе. В частности, он обратился с письмом и к И. Е. Репину.

Ниже мы публикуем ответ (печатается впервые),

И. З.

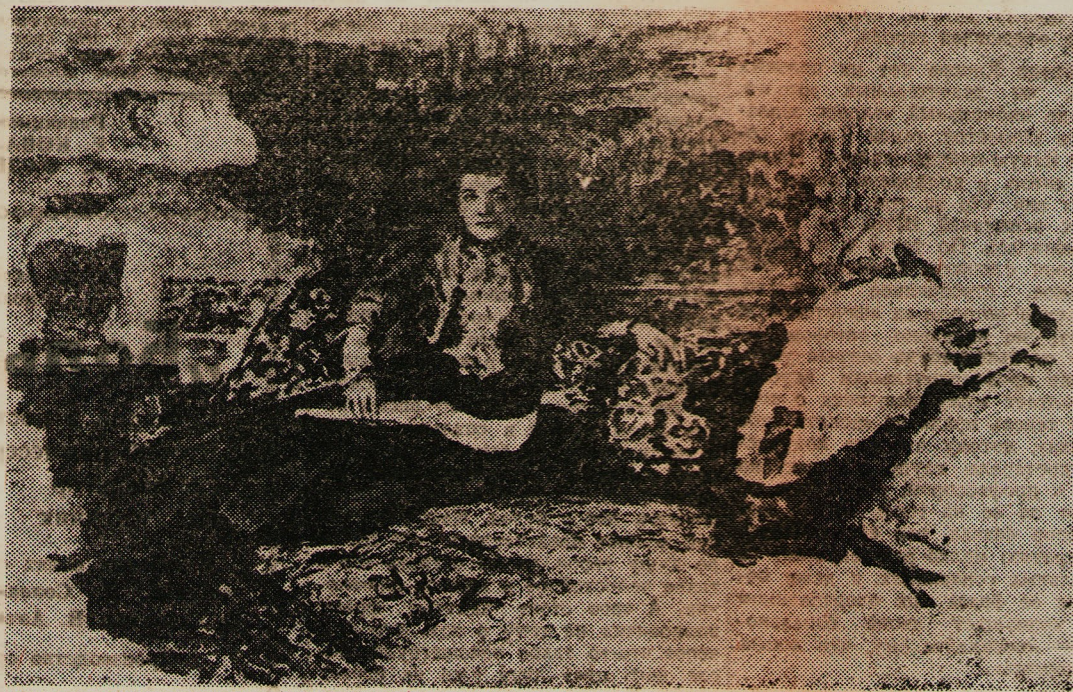
«10 июля 1916 г. Куоккала.

Глубокоуважаемый Анатолий Евграфович. Желаю большого успеха основанному Вами Музею Савиной. Надеюсь, он будет интересен: много сердец жаждет увековечить память большой артистки и дорогого человека.

Как жаль, что я не могу оправдать Ваших надежд, — своими воспоминаниями о ней. Встречался с ней я редко, случайно, и мне не посчастливилось быть с ней в переписке.

Сообщенное мною не может пригодиться к печати. Ни дат, ни фактических определений... Первый раз я увидел Марию Гавриловну на открытой сцене какого-то пригородного театра. Кажется, шла «Бесприданница». Савина была в гриме блондинки. Она была необыкновенно жива, грациозна и заразительно громко смеялась, откидываясь на кресле, в пластических позах, в розовом. На лоб у нее рассыпались кудри, и из-под них сверкали пленительно большие черные глаза...

Многочисленная, чопорно-нарядная публика

М. Г. Савина.

Рисунок И. Репина, 1893 г.

совсем забылась, вышла из всякого самообладания и неистовствовала бурными рукоплесканиями. Обстановка кругом — сад с цветущей сиренью, деревьями, залитыми последними лучами солнца — уповательно расплывалась в теплом вечере. В антрактах пышные букеты ярких больших цветов с разных сторон подымались над публикой и плыли на сцену. Вызовом не было конца.

Конечно, я, как и все, старался видеть Савину тогда во всех ролях. Очень молодая артистка тогда только еще начинала с шумным успехом, — публика ломилась на представление с Савиной...

Спустя много лет в огромном зале Дворянского Соборания она читала письмо Татьяны и Назидание Онегину: «Довольно, встаньте». Тут я подивился тонкой отделке и глубокому выражению всякой фразы, всякого слова. Переполненный зал был весь прикован ее чтением, все замерло, и даже шопот и шорох чтицы были ясно слышны.

Два вечера провел я в будуаре Марии Гавриловны, рисуя с нее для «Артиста» (кажется). Она освобождалась поздно. Усталый человек всегда грациозен, это определение нам знакомо из пластической анатомии. А если это очаровательная женщина!.. Она рассказывала о театральных делах, я ими мало интересовался, да притом передо мною был предмет своеобразной красоты, он меня поглощал всего, и я плохо слушал очаровательную Шехерезаду. А обстановка ее гостиной полна была вкуса и комфорта; каждый предмет хотелось нарисовать особо. А какой тонкий подбор цветов, отделки! Думаю, и сам персидский шах раскис бы от нежности посреди этой утонченной роскоши и разнообразия вещей и вещей.

Покоряясь желанию Анатолия Евграфовича, разрешаю напечатать эти листки, по его усмотрению (полностью или с извлечениями).

Илья Репин».